

Г. ШТРОБАХ

**ВАРИАТИВНОСТЬ НАРОДНЫХ ПЕСЕН,
ЕЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ**

*Посвящается профессору
Владимиру Яковлевичу Проппу
в знак глубокого уважения*

Общеизвестны поэтические слова братьев Гримм о народной песне, порожденной таинственной силой, оторвавшейся от некоего сокровенного целого и продолжающей самостоятельно жить в устах народа. «Как это произошло, — пишет Якоб Гримм, — окружено покровом глубокой тайны, в которую нельзя не верить». Народная песня, по образному выражению братьев Гримм, «тихо произрастает». Для них это естественная поэзия (Naturpoesie), т. е. древнейшая поэзия народов, нечто священное, высокочтимое. С тех пор, точнее — с начала XX в., позитивная филология во многом объяснила ту сокровенную тайну, о которой говорил Якоб Гримм, в частности — генезис народных песен. Была подвергнута критическому анализу и дальнейшая жизнь песен в устах народа. Исследование всех этих вопросов связано с именем Джона Мейера, проводившего текстологический анализ народных песен методами позитивной германистики и поднявшего изучение песни на новую ступень.

Происхождение песни и ее дальнейшая жизнь в устной передаче оказались тесно связанными. Это было убедительно показано Дж. Мейером в его небольшой, но чрезвычайно содержательной книге «Профессиональная песня в устах народа»¹, в которой он обобщил результаты своих текстологических и теоретических исследований.

Содержание этой книги — разыскания о происхождении ряда песен, живущих в устной передаче. В вводной части эти конкретные наблюдения теоретически обобщены. Исследователь устанавливает, что истоки народных песен не обязательно уходят в мифическую даль, а очень часто идут от «профессионального» искусства. Следовательно, происхождение песни не определяет ее сущности, в этом отношении гораздо важнее характер передачи текста, жизнь песни в устах народа. Изучая этот процесс, Дж. Мейер теоретически сформулировал свои положения о разделах, говорящих о характере распространения народных песен и изменениях, которым они подвергаются в процессе своего развития. В данном случае нас интересует последняя проблема, наиболее детально разработанная Мейером².

Дж. Мейер устанавливает два типа изменений песен в процессе устной передачи: 1) недоразумения и ослышки, в результате которых текст

¹ J. Meier, *Kunstlieder im Volksmunde*, 1906.

² J. Meier, Указ. раб., гл. «Dichtung und Composition», стр. LXXVI—CXLIV.

либо искажается, либо непонятное в нем для певца заменяется понятным. (Он приводит много раз с тех пор цитировавшиеся примеры замены типа «Diana» — «Die Anna» и т. п.), 2) контаминация на основе смысловых или формальных аналогий (как текстовых, так и музыкальных). Причиной всех этих изменений исследователь считает лишь устность передачи, учитывая при этом и психологические причины образования вариантов. Последующие немногочисленные немецкие исследования, посвященные вопросам варьирования народных песен, по своей методике, теоретическим положениям и охвату материала не пошли дальше Дж. Мейера³. Большие значения имеют многочисленные частные наблюдения, сделанные в связи с изучением историко-литературного процесса, и исследования, в которых рассматриваются исторические и социальные предпосылки образования вариантов, например, статья Вильгельма Гейске о переделках повествовательных песен в разной социальной среде⁴. Во всех этих исследованиях внимание обращается на отдельные, бросающиеся в глаза детали, например на наличие чужих или устаревших слов, на имена действующих лиц, географические названия и т. п. Изменение же песни в целом, последовательная ее вариативность никак не рассматривается. Этот процесс благодаря своему разнообразию и постоянной текучести представляется исследователям трудно обозримым и лишенным какой-либо закономерности. А между тем, направление вариативности народных песен, ее общие тенденции могут быть определены достаточно точно. Рассмотрению основной тенденции вариативности народных песен и посвящена данная статья.

* * *

В качестве примера возьмем распространенную солдатскую песню «Wie ist doch die Falschheit so gross in der Welt» («Как много неправды на свете») ⁵, почти все записи которой были в нашем распоряжении⁶. Мы видим, что в этой песне прежде всего варьируют обозначения действующих лиц и место действия. Встречается: «Müssen alle Burschen, Leute, Soldaten ins Feld»; и «General», «Hauptmann», «Kommandant», название места, куда должны маршировать солдаты, во всех редакциях разные. Результатом слуховой ошибки, при которой происходит замена неизвестного известным, является замена диалектного «son» (говорить) словом «Sohn» (сын, дитя). На основе аналогичного содержания песни эта контаминируется с песней «O Strassburg, o Strassburg»⁷. Обе песни — солдатские, в обеих встречаются полковник (Hautmann) и мать (Mutter). Так же явна и контаминация с песней «Der König von Preussen hat gesagt» («Прусский король приказал») ⁸, тоже основанная на

³ Библиография этих работ дана в кн.: H. Strobach, Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied, (Veröff. des Inst. für dt. Volkskunde Berlin, Bd. 33), Berlin, 1964, стр. 367—374.

⁴ W. Heiske, Ständisches Umsingen im erzählenden Volkslied, «Jahrbuch für Volksliedforschung», 1938, № 6, стр. 32—52.

⁵ W. Steinitz, Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten, Bd. I, 368—384, No. 139.

⁶ Кроме текстов этой песни, приведенных в указанной выше работе В. Штейнцита на стр. 372—373, в нашем распоряжении есть еще записи: «Deutschen Volksliedarchiv Freiburg» (DVA): A 93910 (Roppweiler, Kr. Saargemünd), 1275 (Hörigenau, Kr. Lauterbach), 101222 (Selters, Oberlahnkreis), 22 (Gross-Hausen, Kr. Bensheim), 1195 (Engelrod, Kr. Lauterbach), 101431 (Nassau, Archiv), 101670 (Nochern, Kr. St. Goarshausen), 21390 (Zofingen, Schweiz), 21037 (Morschach, Schweiz), 20133 (ebda); K. M. Klier, Drei hs. Liederbücher aus dem Burgenland, Eisenstadt, 1958, 29 («Burgenländische Forschungen», 38).

⁷ W. Steinitz, Указ. раб., стр. 420—421, № 154; там же, стр. 373.

⁸ Там же, стр. 373—380.

сходстве содержания (и та и другая песня — рекрутские, в первой строфе одна строчка дословно совпадает). В ряде редакций к рассматриваемой песне присоединена «бродячая строфа», которая начинается с такой же строки, как и заключительная строфа⁹.

На первый взгляд кажется, что первая строфа сохраняется устойчиво. В своей «классической» форме она звучит так:

Wie ist doch die Falschheit
So gross in der Welt,
Dass alle jungen Burschen
Müssen ziehen ins Feld.¹⁰

Что же в действительности сохраняется в этой строфе, наличествующей в 33 пеконтаминированных вариантах? Оказывается, нет ни одного слова, которое сохранялось бы во всех вариантах: даже рифма *Welt* — *Feld* нарушается (правда, только в двух вариантах из Восточной Богемии и Моравии). Кроме рифмующихся слов относительно устойчивы слова: *kist die Falschheit*, *junge* (*jugen*), *müssen*. *Müssen* выпадает только в трех текстах, *junge* — в одном, *Falschheit* — также в одном (в швейцарской версии оно сохраняется частично — *Falsch*). Таким образом, в вариантах данной песни, широко распространенной с начала XIX в. вплоть до 1920-х годов в Швейцарии, Бадене, Эльзасе, Лотарингии, Мозель-Саарской области, Гессене, Нассау, Франкской области, Тюрингии, Богемии и Моравии вплоть до Словакии, сохраняются те слова, которые образуют смысловой стержень строфы «*Falschheit* (in, auf) der Welt», «*jung*» в соединении с *Burschen*, *Leuten*, *Soldaten*, причем именно *Falschheit* включает в себя и сожаление, и осуждение неправды, *müssen* же (должны) говорит о насилии. Таким образом, мы имеем три устойчивых существительных, два из которых — рифмующиеся слова, три артикля, два вспомогательных глагола, одно прилагательное и один предлог, причем артикли и предлог формально и семантически образуют единое целое с константными именами существительными. Все остальные слова в строфе варьируются. Если их расклассифицировать по частям речи, получается следующая картина: 1 функционально-вопросительное местоимение — 8 вариантов; 1 функциональный модальный глагол — 5 вариантов; 1 союз — 5 вариантов; 1 числительное — 4 варианта; 1 предлог — 4 варианта; 1 прилагательное — 4 варианта; 1 существительное — 3 варианта; 1 глагол — 3 варианта. Добавлены или пропущены: личное местоимение — в 5 текстах, 2 междометия — в 4 текстах, 3 неопределенных числительных — в 3 текстах, 1 наречие — в одном тексте.

Среди устойчивых слов преобладают имена существительные и связанные с ними конструкции, наиболее же вариативными являются вопросительные местоимения, наречия, союзы, числительные и междометия. Варьируются и обозначения действующих лиц (*Burschen*, *Leute*, *Soldaten*).

Анализ последующих пяти строф дает ту же картину. Устойчивыми (за исключением единичных вариантов) являются: 11 существительных, 2 отглагольных существительных, 6 глаголов, 3 личных местоимения, 3 притяжательных местоимения, 2 прилагательных. Наиболее устойчивы имена существительные — примерно 40% константных слов. Если же мы посмотрим те слова, которые сохраняются только в единичных случаях, то увидим, что это другие части речи: модальные глаголы, наречия, неопределенные числительные, вопросительные и относи-

⁹ Там же, стр. 372.

¹⁰ Там же, стр. 371.

тельные местоимения, союзы. Наиболее же устойчивы рифмующиеся слова.

Если же выделить слова, варьирующиеся наиболее часто, то здесь прежде всего 8 местоимений — 27 вариантов и 6 союзов, которые заменяются местоимениями и артиклями в 17 текстах; затем идут 5 глаголов, которые, однако, варьируются лишь в немногих текстах и, наконец, 4 существительных — одно из них — обозначение места действия (24 названия), а 2 — обозначения действующих лиц (три варианта). Значительно варьируются одно наречие (5 вариантов) и одно прилагательное (4 варианта). В некоторых текстах добавляются или опускаются отдельные слова, чаще всего — союзы, наречия и предлоги, редко — имена существительные (только дважды).

Статистические подсчеты дают возможность сделать следующий вывод: те части речи, которые несут наибольшую семантическую нагрузку и слова-рифмы оказываются относительно устойчивыми, наиболее же часто варьируются слова, второстепенные по смысловой значимости.

То же самое, только менее точно, мы установили при изучении генезиса и истории 200 текстов крестьянских причетов¹¹. Эти наблюдения подтвердились и в результате анализа трех различных песен: баллады о сестре-служанке, песни о Леуне и любовной песни «Kein Fener, Keine Kohle...» («Ни огонь, ни уголь...»). Приведем из них несколько примеров. Наиболее распространенная версия баллады о сестре-служанке «Es wohnt ein Markgraf (Pfalzgraf) an dem Rhein» («Живет маркграф на Рейне»), в которой госпожа и служанка оказываются сестрами, причем не только в текстах, восходящих к «Чудесному рогу мальчика»¹² — мы располагаем 70 текстами этой версии. Если выделить строфы, встречающиеся во всех или подавляющем большинстве текстов, то такими окажутся:

1. Es wohnt ein Markgraf an dem Rhein,
Der hatte drei schöne Töchterlein.
(На Рейне жил маркграф,
У него было три красавицы дочери)
2. Die Eine zog ins niedere Land,
Die Andere auch nicht weit davon.
(Одна уехала жить в долину,
Другая поселилась также недалеко)
4. Sie ging ihrer Schwester Thür,
Sie klopft ganz leise an dafür.
(Она подошла к дверям своей сестры
И тихонько постучала)
6. Es ist ein armes Mädchen hier,
Die will so gerne zu euch ziehn.
(Здесь стоит бедная девушка,
Она хотела бы поселиться у вас)
10. Als nun die sieben Jahr umme waren,
Das Mädchen krank und schwächlich wird.
(Когда прошло семь лет,
Девушка стала больной и слабой)
11. Ach Mädchen, wenn du kränker wirst,
So müssen wir's deinen Ältern sagen.
(Ах, девушка, если ты разболеешься еще сильнее,
Надо будет сообщить твоим родным)

¹¹ W. St, стр. 371.

¹² Перечень вариантов:

1) «Bauernklagen», 376—377.

2) Список вариантов в кн.: «Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien», DVA, Bd. IV, 1959, 76—77, No. 75.

3) Цитировано по вариантам в кн.: E. Fiedler, Volksreime und Volkslieder in Anhalt-Dessau, Dessau 1847, 169 f., No. 10.

12. Mein Vater ist Markgraf an dem Rhein,
 Meine Mutter ist Königs Töchterlein.
 (Мой отец маркграф на Рейне,
 Моя мать — дочь короля)
17. Kein Sammt und Seide die trag' ich nicht,
 Dem Tod dem übergeb' ich mich.
 (Не носить мне бархата и шелка,
 Смерти я отдаю себя).

Эти строфы составляют остов баллады: экспозиция (1), расставание сестер (2), неузнанная младшая дочь приходит к старшей сестре (4) и спрашивает, не возьмут ли ее в служанки (6), она заболевает (10), госпожа спрашивает об ее родителях (1), ответ, благодаря которому сестры узнают друг друга (12), предсмертные слова младшей сестры (17).

Строфы баллады, необязательные для развития сюжета, встречаются реже (менее, чем в 25 текстах). Строфа третья «Die dritte die war hübsch und fein, Sie wollte gern eine Dienstmagd sein» («третья дочь была красива и нежна, она захотела стать служанкой») может быть опущена, так как песня говорит об отношениях двух сестер, а желание стать служанкой повторяется, когда младшая сестра приходит к старшей. Редко встречаются строфа восьмая, в которой младшая сестра заверяет, что она сохранила свою честь, и две строфы, которые добавляют подробности смерти героини.

Таким образом, ясно видно, что степень сохранности строф зависит от значимости их содержания.

Приведем еще несколько примеров сохранения или изменения текста внутри строф. Почти во всех текстах в каждой строфе устойчиво сохраняются некоторые слова и выражения. В первой строфе это рифма Rhein — Töchterlein, затем (за исключением единичных текстов) «Es... ein Graf...»¹³ Rhein, hatte drei Töchterlein», в третьей строфе — «Die dritte... wollte... Dienstmagd sein»; в четвертой константны только слова Schwester (за исключением лишь трех текстов) и Klopft an и т. д.

Варьируются же многие глаголы, сходные по своему значению (например, wohnte, lebte, war), обстоятельства места и образа действия. Эти изменения не меняют смысла песни и отдельных ее строф.

Все три рассмотренные нами песни — солдатская песня «Wie ist doch die Falschheit», баллада о дочерях маркграфа с Рейна и любовная «песня о Леуне» (анализ ее опускаем, так как результаты его полностью совпадают с изложенными) — песни повествовательные, в которых фабула играет большую роль. Кроме того, солдатская песня и песня о Леуне определенно связаны с современной действительностью.

Иного характера любовная песня:

Kein Feuer, keine Kohle
 Kann brennen so heiss,
 Als heimliche Liebe
 Von der Niemand nichts weiss.

(Ни огонь, ни уголь не пылают так жарко, как тайная любовь, о которой никто ничего не знает.)

Лаконичность этой песенки, казалось бы, дает мало возможностей для вариации. И действительно, текст ее сохраняется достаточно устойчиво, чему немало способствовала и частая ее публикация в песенниках. Однако текстов, совпадающих полностью, нет, хотя вариативность проявляется в меньшей степени, чем в разобранных

¹³ В сопоставляемых текстах только один раз вместо Graf встречается Kaiser. Правда, в ней говорится, что Kaiser встречается особенно часто, но цитированные там тексты с Kaiser (543, 629) относятся к другим версиям

выше повествовательных песнях. Особенно часто варьируются определяющие прилагательные (*heimliche, zärtliche, verborgene Liebe*), вспомогательные глаголы («*kann, tut brennen*» — соответственно «*kann, tut blühen*»), союзы (*damit — dass*), предлоги (*von — davon*), числительные в роли определений, (*etwas — nichts*), имена существительные — метонимии (*Seelen — Herzen*). Часто опускаются или прибавляются частицы (*ja, so*), наречия (*darinnen — drin*), артикли (*die*).

В рамках небольшой статьи невозможно дать примеры сколько-нибудь исчерпывающие, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что основные тенденции вариативности народной песни, которая, на первый взгляд, идет как будто случайно, в действительности имеют определенную закономерность. Сохранение или варьирование частей песни — строф, стихов зависят от смысловой и формальной структуры песни. Поэтому степень вариативности обратно пропорциональна смысловому значению строфы, стиха или слова. Она сильнее всего там, где в данной жанровой разновидности или словарном запасе коллектива, исполняющего песню, имеются легко заменяющие друг друга синонимы или метонимии. Широко варьируются также названия местностей и имена действующих лиц.

Говоря о значении для вариативности формальной структуры песни, мы остановились только на рифме. Следует учитывать также и значение других элементов стиха (начало, метрика), строфы (соответствие строк, параллелизма и т. п.) и особенно соотношение мелодии и текста.

Указанная нами закономерность — значительная вариативность элементов несущественных для смысла и формальной структуры песни и, наоборот, — устойчивость ее элементов, несущих смысловую нагрузку, является результатом устной передачи. Основные тенденции вариативности являются таким образом закономерностями устного народного творчества в целом. Певцы стремятся обычно не к переделке песни, а к точной ее передаче. Но поскольку зафиксированного текста нет, точность эта достигается лишь приблизительно и только в основных элементах. Таким образом, открываются возможности для сокращения или увеличения текста — процесса, который нельзя рассматривать как «искажение» или «распад» песни. Процесс этот не может быть определен, как это обычно делается в немецкой фольклористике, и такими понятиями, как «сознательно» и «бессознательно» или «намеренно» и «случайно». Каждый раз — это живой творческий процесс, характерный для народного пения, составляющий его специфику¹⁴.

Сформулированная здесь нами основная тенденция вариативности народных песен не объясняет появления отдельных вариантов, но проявляется она именно в конкретных вариантах. Вариативность — общая характерная черта народной песни, порожденная формой ее существования, т. е. устной передачей. Что же касается отдельных вариантов, то устная передача является только одной из ряда причин их возникновения, к которым относятся прежде всего социальные и культурные предпосылки. Таким образом, на должное место ставится то, что обычно выдвигают на первый план, когда говорят об изменениях в текстах песен — недослышки, искажения, появляющиеся в результате устной передачи или вследствие забывания текста. Становится ясным, что возникновение вариантов, изменения или константность текста при создании новых версий и редакций зависит от многих факторов.

В данной статье рассмотрены тексты только народных песен. Но те же закономерности варьирования текстов характерны для всей народной поэзии, передающейся устным путем.

¹⁴ Относительно положения о «механистичности» ассоциаций при исполнении народных песен см. Г. Штробах «*Bauernklagen*», 385.